

О ЗНАЧЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

А. М. САХАРОВ

Марксистско-ленинская историческая наука, основанная на теории исторического материализма, впервые создала цельное представление об общих путях развития человеческого общества. Понятие исторического прогресса приобрело строго объективное и вполне реальное содержание как движение общества от низших форм социально-экономической организации к высшим, происходящее в борьбе классов и ведущее в конечном счете через диктатуру пролетариата к утверждению коммунистического строя.

Вполне естественно, что давнее стремление науки к созданию обобщающей картины истории человечества в целом может быть осуществлено именно на основе марксистско-ленинского понимания истории. Как известно, буржуазная историография предпринимала немало попыток создания разного рода «Всемирных историй» и других изданий, охватывавших историю разных стран и народов. Однако эти попытки приводили либо к механическому соединению историй отдельных стран, либо к созданию разного рода искусственных обобщающих схем, например, наподобие весьма популярных ныне среди зарубежных буржуазных ученых построений А. Тойнби относительно смены различных «цивилизаций».

Буржуазной историографии свойствен в общем негативный подход к проблеме соотношения всемирной истории и истории отдельной страны. Стоит вспомнить в этой связи, например, суждения В. О. Ключевского, который полагал, что «рассматривая явления в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается главным образом на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу», в то время как «изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии». Но при этом, признавая важность для исторической науки социологического исследования, В. О. Ключевский пришел к явно негативному заключению относительно возможности познания общих законов исторического развития: «Научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса»¹. Так в лице одного из самых крупных и талантливых своих представителей русская буржуазная историография пришла к выводу о невозможности «местной» и всеобщей истории и, следовательно, невозможности ни строить всеобщую историю на основе наблюдений и выводов, полученных в результате исследования истории разных стран, ни изу-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. 1, М., 1956, стр. 16—17, 26.

чать историю отдельной страны в свете известных закономерностей, общих для всего человеческого общества.

Несомненно, что позиция В. О. Ключевского в этом вопросе была непосредственным выражением идейно-теоретического кризиса русской буржуазной историографии в эпоху империализма.

Известно также и то, что в ту пору, когда в русской историографии господствовали взгляды, подобные только что приведенным, в работах В. И. Ленина были уже сформулированы и совершенно иная позиция относительно соотношения русской и всемирной истории и новая концепция истории России, основанная на учении об общественно-экономических формациях². Вопреки почти единодушному мнению большинства дворянских и буржуазных историков XIX в. о качественном отличии, «самобытности» и даже противоположности истории России и истории стран Западной Европы, что находило выражение в отрицании феодализма, В. И. Ленин уже в самом начале своей научно-революционной деятельности пришел к твердому выводу о том, что в России был феодализм, что сохранившиеся в экономике пореформенной России крепостнические пережитки есть не что иное, как пережитки феодальной системы общественно-экономических отношений. Этот принципиальный вывод был сделан В. И. Лениным раньше, чем с тезисом о русском феодализме выступил Н. П. Павлов-Сильванский, не говоря уже о том, что ленинское понимание феодализма как формации было намного глубже по сравнению с типичной для буржуазной историографии трактовкой феодализма как совокупности политических и правовых учреждений, которую дал Павлов-Сильванский. Но самое важное состоит здесь в том, что увидеть феодализм в России В. И. Ленину помогло знание тех общих закономерностей исторического процесса, которые были установлены К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе анализа развития других стран и сформулированы в обобщающем понятии общественно-экономической формации.

Работы В. И. Ленина, его подход к историческим материалам, их изучение и использование в теоретической и практической деятельности партии убедительно свидетельствуют о том, что для марксистско-ленинского понимания истории нет непреходимой грани между изучением истории как всемирно-исторического процесса и как процесса развития отдельной страны. Не может быть понята и изучена история любой отдельной страны без учета общих закономерностей исторического развития. Но именно поэтому не может быть и всеобщей истории без изучения истории отдельных стран и народов. На эту сторону дела хотелось бы обратить внимание в связи с существованием точки зрения о том, что ныне нет уже нужды в сохранении, например, отдельного курса истории СССР в средней школе, так как гораздо целесообразнее изучать историю «крупными блоками», «по историческим эпохам» — по крайней мере применительно к досоветскому периоду³.

На первый взгляд, такая точка зрения кажется весьма перспективной. В самом деле, стоит ли заниматься изучением процессов, протекавших в разных странах, но весьма тождественных по своему существу, если можно сразу дать общее понятие этих процессов, которое избавит от необходимости повторений одного и того же обобщающего вывода? Кажется, выгоды такой «широкозахватной», «крупноблочной» постановки изучения истории, вполне современной по методам, заставляют поступиться старыми педагогическими привычками, порожденными в давние времена, когда, по выражению автора статьи в «Известиях», историю

² Подробно на этом вопросе останавливается М. Е. Найденов в своей статье «В. И. Ленин и отечественная история. (Формирование ленинской концепции русского исторического процесса)». «История СССР», 1965, № 2.

³ См., напр., М. Гефтер. Уроки жизни. «Известия», 20 ноября 1964 г. (московский вечерний выпуск 19 ноября).

строили из «кирпичиков отдельных царств» и, стало быть, пользовались весьма примитивными, так сказать, «ручными» средствами. Так ли это на самом деле?

Прежде всего приходится вспомнить, что предложения о ликвидации самостоятельного курса истории нашей страны не являются чем-то новым. Они уже были в свое время не только выдвинуты, но даже реализованы. Еще в 1923 г. В. П. Викторов предложил слить курсы истории Запада и истории России в один (речь шла о преподавании истории в партшколах), причем канвой курса должна была стать история производительных сил и производственных отношений. М. Н. Покровский, хотя и высказался за сохранение раздельных курсов, считал это разделение делом вынужденным, порожденным отсутствием подготовленных людей, могущих одновременно преподавать материалы и русской и западноевропейской истории. В принципе же М. Н. Покровский придавал политическое значение уничтожению перегородок между историей России и историей Западной Европы и, имея в виду историю России, заявлял: «Я сражался с этой историей пять лет, я упразднил кафедру русской истории в университете»⁴.

Введенный с 1923/24 учебного года в средней школе курс обществоведения по «комплексным» программам Государственного ученого совета (ГУСа) разорвал историю на произвольно скомбинированные кусочки из истории разных стран, даже вне хронологического порядка. Таким образом были созданы довольно крупные «блоки» — в V классе история отношений между крестьянами и помещиками вообще, в VI—VII классах — история классовый борьбы пролетариата и буржуазии вообще⁵. Так как было признано, что «история не имеет самодовлеющего значения, а используется прежде всего для более углубленного понимания современных явлений и перспектив их развития»⁶, то дело скоро пришло (и вполне логично) к отрицанию вообще истории как самостоятельной дисциплины для изучения. Возникли соображения насчет того, что так как времени на изучение истории отводится мало, нужно вообще прекратить изучение истории древнего Востока, античности, средних веков, Киевской Руси, Новгорода, «смутного времени» и т. п. — все это «в интересах современности»⁷. Появились учебники, в которых история фактически подменялась абстрактно-социологическими формулировками⁸. Пересмотренные в 1927 г. программы сохраняли принцип неразрывности истории с обществоведением, при этом руководители Наркомпроса определенно высказались «против выделения истории в самостоятельный курс»⁹.

Опыт показал полную беспочвенность и прямую вредность левацки-пржектерских «реформ» в преподавании истории. Постановление Центрального Комитета партии от 5 сентября 1931 г. положило начало новому этапу в развитии советской школы. В соответствии с этим решением история была восстановлена в школе как самостоятельный предмет. Задачи ее преподавания и изучения, высокое общественно-политическое назначение истории как важнейшего средства воспитания молодого поколения, необходимость решительного преодоления вульгарно-социо-

⁴ Цит. по статье Л. В. Ивановой «Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918—1929 гг.». В кн. «История и историки», М., 1964, стр. 130.

⁵ См. Л. П. Бушник. Очерк развития школьного исторического образования в СССР, М., 1961, стр. 203—204.

⁶ «Резолюция первой Всероссийской конференции школ II ступени 5 июля 1925 г.» Там же, стр. 207.

⁷ «Современность и обществоведение в школе». Под ред. М. Н. Коваленского и В. Н. Шульгина, М., 1923.

⁸ О. В. Трахтенберг и А. И. Гуковский. Фазы общественного развития. Учебное пособие для школ I и II ступени, М.—Л., 1926; Ю. М. Бочаров, А. З. Иоганнисиани и др. Учебник истории классовый борьбы, М., 1931, и др.

⁹ Л. П. Бушник. Указ. соч., стр. 215.

логических извращений истории были четко сформулированы в известном постановлении Совнаркома СССР и Центрального Комитета Коммунистической партии от 16 мая 1934 г.: «Вместо преподавания гражданской истории (в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей) учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». СНК СССР и ЦК ВКП(б) подчеркнули, что «решающим условием прочного усвоения учащимся курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». Только такое преподавание истории «может обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»¹⁰.

Крутой поворот в сторону внимания к истории и прежде всего к отечественной истории сыграл огромную роль в морально-политической подготовке советского народа к тяжелым испытаниям в назревавшей тогда и вскоре разразившейся войне с гитлеровским фашизмом.

Обо всем этом стоит вспомнить, потому что не следует игнорировать тот опыт, который имеет история изучения и преподавания истории в нашей стране. Вполне понятны и закономерны те поиски новых путей в постановке истории как учебной дисциплины, которые предпринимались из самых лучших побуждений в первые годы после революции. Но жизнь советского общества уже проверила эти опыты. И если сейчас вновь ставится вопрос о слиянии курсов истории СССР и всеобщей истории в один курс (а точнее говоря — об упразднении курса истории СССР как самостоятельного предмета), нужно обязательно считаться с тем фактом, что такие эксперименты уже были, что они привели к отрицательным результатам, что Коммунистическая партия еще тридцать лет тому назад совершенно определенно подвела итоги этим экспериментам относительно школы вообще и преподавания истории в особенности.

Неразрывная связь между историей СССР и всеобщей историей не исключает, а предполагает наличие особых курсов истории СССР, истории стран Западной Европы, истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, истории южных и западных славян, истории отдельных стран и народов вообще. Следует, на наш взгляд, особенно подчеркнуть то обстоятельство, что история — наука конкретная. Теснейшим образом связанная с теорией исторического материализма, она вместе с тем является особой областью знаний по сравнению с этой теорией. Для изучения теории исторического материализма нет никакой нужды рассматривать отдельно историю Франции или России — понятие общественно-экономической формации может быть основано на, так сказать, «типовом» материале из разных стран и эпох, свидетельствующем именно об общности социально-экономического устройства. История же объясняется теорией исторического материализма, но стнюдь не подменяется ею. При изучении истории (особенно первоначальном знакомстве с нею в школе) прежде всего важно внимание к фактам. В. И. Ленин бил в самую точку, когда категорически предупреждал М. Н. Покровского: «чтобы не было *верхоглядства*, чтобы знали факты»¹¹. Между тем построение курса по «крупным блокам», растворение отечественной исто-

¹⁰ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. документов, вып. I, М.—Л., 1947, стр. 170—171.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 36, стр. 488.

рии во всемирной истории прямой дорогой ведут именно к верхоглядству, к невежеству в вопросах истории и — как это уже произошло однажды — к упразднению истории как учебной дисциплины, а затем и как науки.

Несомненно, что серьезным недостатком советской историографии было невнимание многих исследователей к теоретическим вопросам и проблемам. Это объясняется длительным господством догматизма, схематизма, вульгарного социологизма. В условиях культа личности постановление от 16 мая 1934 г., как и многие другие, не могло быть осуществлено до конца. Принципиальная борьба против вульгарного социологизма и других ошибок оказалась вскоре подмененной преследованием и шельмованием тех или иных лиц, в то время как сами эти чуждые марксизму-ленинизму извращения методологии научного исследования продолжали сохраняться с той лишь разницей, что одни схемы и догмы уступали место другим схемам и догмам. Гражданская история, на важность которой указывало постановление СНК и ЦК от 16 мая 1934 г., на практике все более вытеснялась историей народного хозяйства, односторонним увлечением экономическими вопросами. Но при этом пострадала не только теоретическая сторона исторической науки. Горькая привычка подгонять факты под заранее данную схему, утвердившаяся в те годы, порождала не только искажение одних фактов и замалчивание других, — она выработала пренебрежительное отношение к факту как основе исторического изучения — несмотря на проявившуюся в ряде случаев склонность к описательству, к фактографии. Здесь нет нужды повторять хорошо известные всем великолепные суждения В. И. Ленина о «фактах» и «фактиках», о том, что пример — не доказательство, о необходимости брать для исследования все факты «без единого исключения»¹². Важно обратить внимание на самую суть дела — нельзя поднять сколько-нибудь серьезно теоретический уровень исторической науки без усиления внимания к фактам. Неправы те товарищи, которые иногда критикуют историков за то, что они описывают события, — это есть самая прямая и непосредственная задача историков. Плохо, если историк только описывает события, не объясняя их, но описывать их он обязан. Великую заслугу материализма В. И. Ленин видел в том, что материализм сумел «дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее»¹³. Подчеркиваем — живую картину должен давать историк-материалист, в то время как «абстрактные схемы» В. И. Ленин характеризовал не иначе, как «вздор»¹⁴.

Изучение фактического материала, ведущееся с научных марксистско-ленинских позиций, никоим образом не может быть истолковано как нечто второстепенное. В отличие от философа, оперирующего действительно «крупными блоками» эпох и формаций, историк призван работать над «кирпичиками» отдельных проблем, явлений, процессов, он обязан исследовать «по-клеточно» весь общественный организм, снизу доверху, на всех стадиях его развития. И если он не может разобраться в своих «кирпичиках» без знания того, что обобщено в «крупные блоки», то и создание, а затем и усовершенствование этих «крупных блоков» невозможно без труда историка. Можно применять самые новейшие методы для облегчения труда историка при сборе и изучении фактического материала, но ничто не может освободить его от самой этой задачи, ибо там, где прекращается работа над изучением фактического материала, кончается само существование науки. Следует прислушаться к тому, например, что говорит на этот счет современный философ: «В науках, которые наряду с обобщением преследуют цели описания, фактический материал играет особую роль, иную, чем в чисто теорети-

¹² В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 350, 351.

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 139, 140.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 197.

ческих дисциплинах. Последние используют фактические данные лишь в качестве подспорья для обобщения. Эти науки проходят стадию накопления эмпирического материала, но целью их всегда остается установление закона, и когда это достигнуто, эмпирический материал отходит на задний план.

Историческое исследование также начинается со сбора фактов. Факты и здесь, и даже еще в большей мере, — воздух для ученого... Без прочной, достоверной фактической основы невозможно ни одно историческое исследование.

Вместе с тем исторический факт — это не только материал для обобщения, это не просто пример, иллюстрирующий действие общественного закона, который можно опустить или заменить другим. Историческое обобщение не снимает факта. В какой-то степени факты в истории имеют самодовлеющую ценность. Знание законов, по которым одна общественно-экономическая формация приходит на смену другой, не заменит анализа и описания революционных событий (подчеркнуто мной. — А. С.). Вслед за цитируемым автором, А. В. Гулыгой, хочется подчеркнуть: «Все это, конечно, не значит, что я призываю к эмпиризму... Но эмпиризм в истории проявляется не в том, что обращаются к фактам, а в том, как обращаются с ними, в беспомощности перед лицом фактов»¹⁵.

Вернемся теперь к вопросу о соотношении курсов отечественной истории и всемирной истории. Кажется, предложения о ликвидации истории СССР в качестве самостоятельного предмета изучения имеют в основе своей (помимо всего прочего) просчет методологического характера, недооценку самого предмета истории как науки, смещение его с предметом исторического материализма — ошибка, распространенная в свое время, но не переставшая от этого быть ошибкой. Знание того, что отмена крепостного права была порождена экономическим развитием и ходом классовой борьбы не исключает, а требует точного знания, в чем конкретно выражалось экономическое развитие и как, в каких событиях проявлялась классовая борьба, подобно тому, как человек становится знатоком Пушкина только после того, как прочтет его стихи, но отнюдь не тогда, когда узнает, что его поэзия была «продуктом своей эпохи».

Но можно ли серьезно говорить о знании истории нашей страны, если отдельные факты этой истории будут находиться не во внутренней связи между собою, а в упаковке из «крупных блоков», вперемешку со сведениями из истории Аргентины и Японии? Более того, воспитание мышления, исторического мировоззрения при ликвидации курса отечественной истории не выиграет, а пострадает и весьма существенно. Необходимым условием для выработки обобщающих понятий является твердое знание того конкретного материала, на который накладываются эти обобщения. Не видя материала в его хронологической последовательности, зная лишь обрывки явлений и процессов, скомпонованных из истории разных стран и народов, учащийся не приобретает, а теряет историческую перспективу, его мышление не усиливается, а ослабевает, вместо представления об общности путей развития, которое может возникнуть только после того, как эти пути пройдены один и другой, а может быть, и третий раз по материалу истории своей страны и истории других стран, — вместо этого представления образуется чисто догматический рубец в сознании, формула, вывод, закрепляется комментарий к явлению, но не само явление.

Сравнительные характеристики, широкие обобщения — дело, необходимое в изучении истории, но ими надо завершать определенный его

¹⁵ «История и социология», сб., М., 1964, стр. 83—84.

этап, а не начинать с них. И в методическом, и в методологическом отношении предложения о ликвидации курса отечественной истории противоречат самой сущности истории как науки, логике изучения истории. Эти предложения лишь по видимости направлены на повышение теоретического уровня исторической науки, — на самом деле неизбежное в этом случае падение внимания к фактам истории в их хронологической связи и последовательности ведет к очевидному снижению уровня преподавания истории, к тем самым схемам и абстракциям, против которых уже так давно борется марксистская историография.

С точки зрения методологической, о чем уже говорилось выше, задача исторического исследования требует тщательного и всестороннего изучения конкретного хода развития общества, во всех его сложных причинно-следственных связях. Конкретность изучения истории требует, в свою очередь, брать факты прежде всего в их непосредственной связи между собой. Такая связь может и должна быть прослежена прежде всего в рамках истории отдельной страны. Всемирная история объясняет историю каждой страны, но и сама она как наука формируется и развивается лишь на основе и в результате исследования истории отдельных стран, явлений, процессов. Если историк обязан описывать явления и процессы, объясняя их, то он не может не стремиться к максимальной полноте подвергаемого изучению материала. Естественно, что в каждой стране условия благоприятствуют прежде всего выявлению и изучению материала отечественной истории. Уже одно это обстоятельство предполагает сосредоточение большего внимания именно на разработке отечественной истории как на наиболее эффективном участке науки, дающем максимальную «отдачу» и обеспечивающем реальный вклад в изучение всемирной истории.

Конечно, никак нельзя недооценивать значение критики чуждых марксизму концепций истории зарубежных стран и всемирной истории, критики, которую ведут и должны вести наши ученые. Но самый весомый вклад в борьбу против буржуазной историографии, в утверждение марксистского понимания истории, в создание подлинно научного представления о ходе всемирной истории мы вносим конкретными исследованиями тех или иных проблем исторического процесса. И лучшей области для этих исследований, нежели отечественная история, мы не найдем. Поэтому задачи борьбы с буржуазной историографией в целом неотделимы от развертывания широкого фронта научных исследований в области отечественной истории. И только во всеоружии этих исследований мы можем и сопоставлять изученные нами явления с аналогичными в других странах и утверждать наше понимание закономерностей этих явлений в истории разных стран и народов.

Сказанное отнюдь не означает умаления роли исследований в области всемирной истории для развития исторической науки в целом. Более того, для успешного изучения самой отечественной истории требуется огромное внимание к проблемам всеобщей истории. В исследовательской работе, на наш взгляд, мы очень страдаем от разобщенности, от узости кругозора, от того, что плохо знаем историю стран Западной Европы, а еще хуже — стран Востока, и это не может не наносить ущерба в понимании ряда явлений и процессов отечественной истории. Не думаю, например, что проблема возникновения централизованного государства в России может быть до конца понята только при сопоставлении этого процесса с западноевропейскими странами, без «оглядки» на страны Востока.

Но при всей необходимости широкого применения методов исторического сопоставления и сравнения аналогичных процессов в разных странах отечественная история была и остается важнейшей отраслью исторической науки. Сопоставление событий и процессов отечественной истории с другими странами есть метод, средство познания отечествен-

ной истории и должно вести к усилению этой области науки, а не к ее растворению и исчезновению.

Наконец, отнюдь не последний, а наоборот, важнейший по значению фактор — политическое, идейное значение отечественной истории, ее роль в воспитании и образовании советских людей, трудящихся зарубежных стран. Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом преобразившая нашу страну, отнюдь не является отрицанием всей прошлой ее истории. Наоборот, с высот построенного нами социализма мы лучше видим все величие многовекового подвига нашего народа, трудившегося и боровшегося в условиях феодального и капиталистического общества. И мы яснее понимаем значение Октябрьской революции, всю силу нашего строя, когда знаем, что было раньше, до Октября, как и почему произошла социалистическая революция. История нашей Родины нам необходима для воспитания патриотизма. Наш патриотизм не может иметь ничего общего с квасным патриотизмом в старой России, мы далеки от идеализации, от приукрашивания прошлого, от преувеличенных и неумных представлений о безусловном первенстве России всегда и во всем. Но, ясно видя то темное и злое, что было в прошлом нашей страны, как и других стран, мы гордимся великим путем, который прошел наш народ. Мы гордимся великим революционным прошлым нашей Родины, борьбой многих поколений революционеров, силой и величием ленинской партии и совершенной ею революцией. Все то лучшее, героическое, прекрасное, что сделано в прошлом, все это принадлежит нам, мы единственные и самые законные его наследники. Полтавская битва и чудесный белый кубик Покрова на Нерли, землепроходцы на берегу Тихого океана и первая в мире паровая машина, благородный «Колокол» и мятежный «Буревестник», подвиги Давида Сасунского и «Кобзарь», среднеазиатские мавзолеи и «Юрьева ночь» в Эстонии, молдавские дойны и сокровища Матенадарана — все это наше, это наша гордость, наша слава, наше величайшее достояние. И мы обязаны показать все это крупным планом, сильно и ярко — так, чтобы на всю жизнь у молодого строителя коммунизма сохранилось законное, дающее силы чувство гордости за свою Родину, за своих близких и далеких предков. Никак нам нельзя заслонять все это абстрактными обобщениями и перетасовывать с фактами истории других стран и народов. Без патриотического чувства любви к своей Родине не может быть подлинного интернационализма, ибо интернационализм предполагает уважение к заслугам и подвигам каждого народа, а не растворение их в массе бесконечных сопоставлений и параллелей.

Но нам нужно знать и то отрицательное, темное, вредное, что было в нашем прошлом и что мешает нам жить сегодня. Нам обязательно надо показать, как мешала религия и церковь росту свободной мысли, развитию советской культуры. Нам очень важно раскрыть, как опасна национальная рознь, прежде всего великодержавный шовинизм, какой вред наносили народам нашей страны попытки их «собственных» эксплуататоров посорить эти народы с русским народом, с Россией, как естественный и справедливый протест их против угнетения царизмом направлялся во вреднейшее русло борьбы против присоединения к России, выгодной лишь местным феодалам, да порой и зарубежным врагам наших народов.

Следует определенно подчеркнуть, что изучение прошлых времен является совершенно необходимым делом именно в интересах нашей современности. Мы занимаемся прошлым не для того, чтобы любоваться им, и не ради праздного любопытства. История — наука, связанная с современностью в самом прямом и точном смысле этого слова. Мы не вернемся к сусальной идеализации прошлого, но самым решительным образом должны протестовать против любого пренебрежения к истории нашей страны. Если бы в нашем народе распространилось пренебрежи-

тельное отношение к своему прошлому, если бы оказались подорванными исторические корни патриотизма — лучшего «подарка» силам, враждебным нашей Родине, не было бы; если бы утвердилось мнение, что прошлое России (так же, как и Грузии, Латвии, Таджикистана и т. п.) либо сплошная мерзость, либо просто не заслуживает внимания, — тогда всякая агрессия против нашей страны в прошлом может быть оправдана. И не только в прошлом — агрессию против народа, «не имеющего прошлого», легко «оправдать». Мы не можем забывать о политических последствиях недооценки внимания к отечественной истории.

Мы говорим сейчас — и то лишь в самых общих чертах — о громадном значении истории СССР досоветского периода. Нет нужды доказывать то, что совершенно очевидно, — какое огромное значение для идейного воспитания имеют история Коммунистической партии, история советского общества, история великой революции, пятилеток, коллективизации, превращения страны в первоклассную промышленную державу. На века, на все время существования человечества останется в благодарной памяти потомков подвиг миллионов в Отечественной войне. Каждая деталь этого подвига будет драгоценнейшей строкой нашей истории — и суровый парад на Красной площади в труднейший час войны, и салют над освобожденным от блокады Ленинградом, и имена солдат на колоннах рейхстага, и все-все, что связано с этой небывалой и по размаху, и по значению войной. В том числе — и история, которая встала на службу делу войны с гитлеровскими захватчиками. Ту роль, которую сыграла пропаганда патриотизма, основанная в большой степени на изучении славных традиций отечественной истории, нельзя ни в коем случае недооценивать при учете сил, с помощью которых мы одержали великую победу над врагом. С сожалением приходится констатировать, что, скажем, в таком издании, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза» роль исторической науки и исторического образования в годы, предшествовавшие войне, и в течение войны изображены далеко не так, как это имело место в действительности.

Кажется, трудно переоценить поистине огромное значение, которое имеет отечественная история и в научном, и в идейно-политическом отношениях. И тем не менее внимание к изучению отечественной истории и пропаганде ее не соответствуют важности этого предмета. Тут можно говорить о многом. И прежде всего о том неправильном, вульгарном, ошибочном в самой своей основе противопоставлении истории и современности, которое утвердилось особенно в среде издателей, хотя совершенно очевидно, что именно интересы современности, интересы развития и воспитания советских людей, интересы борьбы с буржуазной идеологией, с пережитками прошлого, интересы движения вперед требуют развития исторической науки и пропаганды исторических знаний. Конечно, разные эпохи и разные вопросы в истории далеко не равноценны и требуют совершенно различного сосредоточения сил, история советского общества привлекала и будет привлекать первостепенное внимание, но при всем этом наука истории едина, от нее нельзя отсекают какие-то части совсем, как это делали тридцать пять — сорок лет назад и как кое-кто хотел снова сделать в не очень давние времена.

Темы по истории СССР исчезли из деятельности общества «Знание» (по досоветскому периоду). Курс истории СССР удален вообще из университетов марксизма-ленинизма, а лет десять — двенадцать тому назад такой курс был, даже с семинарами, и всегда был к нему большой интерес. Не занимаются историей СССР студенты неисторических факультетов. Считается, что журналисты и экономисты, философы и юристы могут обойтись без знания истории своей Родины. У филологов тоже этот курс практически не читается — превращен в факультативный. Почему? Вряд ли можно убедительно ответить на этот вопрос. В средней школе курс отечественной истории подвергся многократному сокращению, и лишь в самое последнее время начат пересмотр сетки часов.

Недооценка значения отечественной истории нашла отражение и в том пренебрежительном отношении к памятникам культуры, которое проявлялось за последние годы и о котором писал журнал «История СССР»¹⁶.

Даже в среде самих историков кое-где к отечественной истории стали относиться как к чему-то непервостепенному. Свидетельство тому — «Советская историческая энциклопедия». Издание в целом очень полезное, содержащее массу ценнейших сведений. Но почему в этом издании истории нашей страны отведено только 38% места? Именно в исторической энциклопедии, издаваемой в СССР, читатель, и советский, и зарубежный будет искать больше всего сведений по вопросам истории СССР. Всеобщей истории посвящено несколько специальных журналов, тогда как истории СССР — два («История СССР» и «Вопросы истории КПСС»; можно отметить также «Военно-исторический журнал», значительную часть в котором занимают материалы отечественной истории). Нет столь необходимого историкам, и в первую очередь историкам СССР, «Исторического архива». Нет исторической серии «Научных докладов высшей школы», хотя есть серии филологии, экономики, права, философии, не говоря уже о естественных и технических науках. У нас до сих пор нет массового журнала, посвященного популяризации исторических знаний, хотя есть специальные журналы у охотников и рыболовов, артистов цирка, пожарников. Из сводного тематического плана выпуска общественно-политической литературы можно узнать, что в 1965 г. будет издано всего 140 работ по истории СССР (не считая археологии и этнографии), в том числе лишь 39 по досоветскому периоду. Обе цифры нельзя признать достаточными. А в серии «Жизнь замечательных людей» выйдет только одна книга, героями которой явятся наши соотечественники.

Перечень того, чего не хватает для изучения и пропаганды отечественной истории, нетрудно расширить. Дело не в этом. Главное заключается в том, чтобы преодолеть недооценку значения отечественной истории в идейной жизни нашего общества. Историческая наука, отечественная история в особенности, обладает колоссальным потенциалом воздействия. Советская историческая наука призвана сыграть активнейшую роль в мобилизации, в подъеме народа на героические дела во имя укрепления и процветания нашей Родины. Овладение всеми богатствами, выработанными человечеством. — такую задачу поставил В. И. Ленин перед молодым поколением коммунистов. Чтобы выполнить эту задачу, нам очень нужно развивать науку истории, и в первую очередь — отечественной истории.

История СССР — мощное идейное оружие в борьбе советского народа за построение коммунизма. Этим определяется ее место и значение в исторической науке, в развитии советского общества.

¹⁶ См. Д. С. Лихачев. Памятники культуры всенародное достояние. «История СССР», 1961, № 3, стр. 3—12.